

дей равных, сколько неравных. Достаточно взглянуть на дружбы приятные и полезные, и внимательный взор увидит, что большие люди чаще всего дружат с теми, кто меньше их. И если обратиться к примерам истинной и верной дружбы, разве не станет очевидным, что многие славные и великие князья дружили с людьми незавидной судьбы, но завидной честности? А почему бы и нет? Ведь не мешает же огромное расстояние дружбе между человеком и Богом! И коль скоро кто-нибудь усмотрит в сказанном здесь нечто недостойное, пусть внимает он Святому Духу, указующему, что Он привлек к своему содружеству некоторых людей. Так, в Книге Премудрости сказано, что премудрость «есть неистощимое сокровище для людей; пользуясь ею, они входят в содружество с Богом...». Но невежественный люд неразумен в своих суждениях, и подобно тому, как он считает диаметр Солнца равным одному футу, так и относительно той или иной вещи он по собственной наивности судит неверно. Те же, кому дано знать наилучшее в нас, не должны плестись в хвосте у стада, но, напротив, призваны противостоять его ошибкам, ибо сильные разумом и одаренные определенной божественной свободой не знают власти каких бы то ни было привычек. Это не удивительно, ибо не они исходят из законов, а законы исходят от них. Следовательно, как я говорил выше, моя преданнейшая дружба не имеет ничего общего с самонадеянностью.

Противопоставляя Вашу дружбу всему иному как драгоценнейшее сокровище, я желаю сохранить ее исключительно бережным и заботливым к ней отношением. Однако, коль скоро в правилах о морали философия учит, что для того, чтобы не отстать от друга и сохранить дружбу, необходимо некоторое соответствие в поступках, мой священный долг – дабы отплатить за оказанные мне благодеяния – поступить соответственно: для этого я внимательно и не один раз пересмотрел безделицы, которые мог бы Вам подарить, и все, что отобрал, подверг новому рассмотрению, выбирая для Вас наиболее достойный и приятный подарок. И я не нашел для столь большого человека, как Вы, вещи более подходящей, нежели возвышенная часть «Комедии», украшенная заглавием «Рай»; и ее вместе с этим письмом, как с обращенным к Вам эпиграфом, Вам посвящаю, Вам преподношу. Вам, наконец, веряю.

Горячее чувство к Вам все же не позволяет мне обойти молчанием следующее: может показаться, что подобный подарок способствует скорее славе и чести господина, чем дара; более того, многие из тех, кто обратил внимание на это заглавие, сочли, будто посредством его я предсказал возрастающую славу Вашего имени. Таково и было мое намерение. Но стремление добиться Вашей милости, которой я так жажду, невзирая на зависть, побуждает меня скорее устремиться к тому, что и было моей целью с самого начала. Итак, заканчивая то, что надлежало сказать в эпистолярной форме, я в качестве комментатора собираюсь предварить свой труд немногими словами, которые и предлагаю вашему вниманию.

Вот что говорит Философ во второй книге «Метафизики»: «Точно так же, как вещь связана с существованием, она связана с истиной»; это происходит по той причине, что истина некой вещи, заключенной в истине как в своем субъекте, есть совершенное подобие самой вещи. Действительно, некоторые из существующих вещей таковы, что несут абсолютную жизнь в самих себе, а другие таковы, что их существование находится в зависимости от чего-то иного, с чем они определенным образом связаны, подобно тому как можно существовать во времени и быть связанным с другим, как связаны отец и сын, господин и раб, двойное количество и половина, целое и часть и прочее в этом роде. И так как существование их зависит от чего-то иного, следовательно, их истина зависит от чего-то иного. В самом деле, не зная половины, никогда не узнать двойного количества; то же можно сказать обо всем остальном.

Следовательно, те, кто желает сделать введение к части какого-либо произведения, должны сообщить какие-то сведения и о целом, в которое входит часть. Поэтому я, также желая изложить в виде введения кое-что об упомянутой выше «Комедии», счел своим долгом предпослать некоторые объяснения всему произведению, дабы можно было легче и полностью войти в его часть. Всякий ученый труд начинается с изыскания шести вещей, а именно: предмета, лица, от которого ведется повествование, формы, цели, заглавия книги и рода философии. Среди этих вещей имеются три, коими часть, которую я решил посвятить Вам, отличается от им подобных: предмет, форма и заглавие; достаточно взглянуть на другие три – и станет ясно, что они лишены таких отличий. Посему в рамках целого следует отдельно найти эти три вещи, что и даст достаточный материал для введения в часть. Затем мы займемся поисками трех других не только по отношению к целому, но и по отношению к той части, которую я дарю Вам.